

Игорь Рейф

СТАРАМЯ ПИСАТЬ ТОЛЬКО ИЗ СЕРДЦА

ПИСАТЕЛЬСКАЯ КНИГА,
ИЛИ ЗАГАДКА
ХУДОЖЕСТВЕННОГО
МЫШЛЕНИЯ

Игорь Евгеньевич Рейф
СТАРАЛСЯ ПИСАТЬ ТОЛЬКО
ИЗ СЕРДЦА. Писательская
книга, или Загадка
художественного мышления

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67723538

*СТАРАЛСЯ ПИСАТЬ ТОЛЬКО ИЗ СЕРДЦА. Писательская книга, или
Загадка художественного мышления: Питер; СПб; 2022*

ISBN 978-5-4461-2000-0

Аннотация

Может ли человек обойтись без художественного мышления? Наверное, может, но тогда он превратится в Шарикова. Понимание природы этого мышления актуально не только для психологов и литературоведов, но и для обычных смертных. Как «работает» художественный текст и чем он отличается от текста информационного? Как он раскрепощает наше «заорганизованное» мышление и почему сознание должно «руководить писательским пером осторожно»? Обо всем этом вы узнаете из книги, которая позволит приобщиться к тайнам художественного восприятия и литературного

творчества, представляющим собой во многом еще не решенную психологическую проблему.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

От автора	6
Глава 1	9
Нобелевская премия за исследование расщепленного мозга	10
Как «думают» левое и правое полушария	14
Оборотная сторона логического мышления	17
Функциональная асимметрия мозговых полушарий в интерпретации нейропсихолога	21
Глава 2	26
Незримая рука	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Игорь Рейф
СТАРАЛСЯ ПИСАТЬ
ТОЛЬКО ИЗ СЕРДЦА.
Писательская книга, или
Загадка художественного
МЫШЛЕНИЯ

© ООО Издательство «Питер», 2022

* * *

*Посвящается Виталию Рейфу, моему сыну и
единомышленнику*

От автора

Почему писательская? Вероятно, потому что поле, которое вспахивают писатели, принадлежит сфере художественного мышления, так что здесь задействован и чисто профессиональный интерес. И хотя литературная одаренность никак не сопрягается со знанием или незнанием психологии творчества, все же понимание ее природы для людей пишущих может оказаться небесполезным. Но особенно это актуально для начинающих авторов, делающих первые шаги на литературном поприще или только мечтающих о нем, для которых умение распорядиться своим талантом, если он, конечно, есть, представляет жизненную задачу. Но если научить писать, как известно, невозможно – к этому человек может прийти только сам, то попытаться понять природу этой способности – это ведь тоже немало.

Однажды Лев Толстой, сравнивая берущую за душу прозу с грудным пением – «горловой голос гораздо гибче грудного, но зато он не действует на душу», – так сформулировал свое писательское кредо: «Можно писать из головы и из сердца... Я всегда останавливал себя, когда начинал писать из головы, и старался писать только из сердца...» Совет, конечно, из самых ценных, но как его реализовать? И первое, что приходит на ум, так сказать, от противного, – писать не из головы или, грубо говоря, не выдумывая. Хотя как не выдумыв-

вать, если сам процесс создания литературного произведения называется сочинительством, а «сочинитель» и «выдумщик» в русском языке почти синонимы. И тем не менее – и любой писатель знает это не понаслышке – настоящие удачи посещают его не тогда, когда он, сидя за письменным столом или за компьютером, напрягает свою фантазию, а когда они приходят к нему сами. Или когда он, покоряясь внутреннему наитию, прозревает логику развития характеров или логику развертывания сюжета. Но эта писательская зоркость менее всего «головного» происхождения, и ее питают совсем другие ключи. Хрестоматийный пример – «Отцы и дети» Тургенева. Ведь изначально смерть Базарова вовсе не входила в планы их создателя, пока однажды писательская интуиция не подсказала ему, что только так может по-настоящему раскрыться характер его героя.

Впрочем, все сказанное ничуть не умаляет той роли, которую играет в сочинительстве сознательный, волевой фактор. И чем крупнее, масштабнее писатель, тем больше места занимает он в его творчестве. Думаю даже, что не покинь Лев Толстой военной карьеры, из него вышел бы выдающийся военачальник, которому и командование армией было бы вполне по силам. И тем не менее художественное мышление у писателя должно идти впереди, беда, если наоборот. Обо всем этом и пойдет речь в настоящей книге, причем ведущее место в ней занимает такое понимание художественного мышления, которое пришло к нам сравнительно недавно – с

открытием функциональной асимметрии полушарий головного мозга, каждое из которых, как выяснилось, имеет свою «узкую» специализацию.

Два слова о содержании и структуре книги. В первой главе изложены современные представления о функциональной межполушарной асимметрии и двух типах нашего мышления – образном и логическом. Во второй и третьей главах, центральных в книге, речь идет о художественном мышлении и природе писательского творчества. В четвертой главе рассматривается прикладной аспект художественного мышления – гипногенный эффект звучащего художественного слова, который, по мнению автора, мог бы найти применение в психотерапевтической практике. Завершают книгу два очерка: «Писатель на все времена», посвященный эталонному творчеству Юрия Трифонова, и «„Золотой теленок“, „Мастер и Маргарита“: типология линейного мышления в тоталитарном обществе». Созвучные основным положениям книги, они могут служить своего рода художественной к ней иллюстрацией.

Напоследок не могу не высказать сердечной благодарности Ирине Ильичевой, чье сочувственно-понимающее отношение сыграло не последнюю роль в судьбе этой книги, без чего она, возможно, не увидела бы свет.

Глава 1

«Левый» – «правый» мозг и две стратегии нашего мышления

Доводилось ли вам слышать такое выражение: «однополушарный человек»? Слишком прямолинейный, не знающий полутонов, все красящий одной краской и не понимающий шуток и юмора. Такой человек труден в общении, но зато как исполнитель он безупречен: все порученное выполнит в точности, не отступая ни на шаг от данного ему задания. Но значит ли это, что он на самом деле думает одним полушарием и что у него, как говорят, одна извилина?

Нобелевская премия за исследование расщепленного мозга

О том, что большие полушария коры головного мозга функционально не идентичны, было известно еще с середины XIX столетия. Например, что афазия (потеря речи) возникает у людей с повреждениями или опухолью в области задней части нижней лобной извилины именно левого полушария (так называемая зона Брока). А при поражении задней части его нижней височной извилины теряется способность к пониманию чужой речи. Но настоящий прорыв в этой области произошел лишь в 60–70-х годах XX века. Этот прорыв, ознаменованный Нобелевской премией (1981), связан прежде всего с работами американского невролога Роджера Сперри, изучавшего больных с так называемым расщепленным мозгом. Что это означает?

В норме левое и правое полушария головного мозга функционируют как единое целое благодаря соединяющим их нейронным путям, проходящим через мозолистое тело – образование, расположенное непосредственно под корой головного мозга, как раз посередине. Поэтому любой сигнал, поступающий в левое полушарие, сразу же становится достоянием правого полушария, и наоборот. Именно это свойство мозга – широкая иррадиация возбуждения – навело на мысль американских медиков лечить особо тяжелые случаи

эпилепсии оперативным путем – рассечением мозолистого тела.

И действительно, операция эта, называемая комиссуротомией, избавляла большинство пациентов от изнуряющих судорожных приступов, причем это никак не отражалось на их поведении. И лишь в ходе специальных исследований удалось выявить более тонкие возникающие при этом нарушения.

Так, больные с рассеченным мозолистым телом не могли назвать предмет, изображение которого появлялось на несколько секунд в их левом поле зрения (например, яблоко) и, вследствие перекреста зрительных путей, проецировалось в правое полушарие, так что создавалось впечатление, что они его вообще не видели. Однако в ответ на просьбу найти этот предмет среди им предъявленных они выбирали именно яблоко, а значит, изображение было воспринято ими правильно. Так было показано, что деятельность правого полушария позволяет человеку узнавать предмет, хотя он не может выразить это словами. И наоборот, изображение яблока, предъявленное правому полю зрения, то есть левому полушарию, сразу же идентифицировалось испытуемыми, которые на вопрос экспериментатора уверенно отвечали: «Это яблоко».

Эта способность левого полушария понимать и продуцировать речь, в принципе, была известна и раньше, а потому, учитывая ее роль в жизни человека, оно традиционно счита-

лось доминирующим. Правое же полушарие до поры до времени находилось в его тени, а его специфика представлялась довольно туманной. Но все изменилось после работ Роджера Сперри.

Прежде всего выяснилось, что пациентам с рассеченным мозолистым телом недоступно многое из того, что не составляет труда для человека с целостным мозгом. Так, правая рука, руководимая левым полушарием, на которую большинство из нас привыкло полагаться, подводила их при выполнении, казалось бы, самых простых задач. Она не могла переписать несложные геометрические фигуры, не могла сложить незамысловатые конструкции из кубиков или найти на ощупь знакомые предметы – все те операции, с которыми прекрасно справлялась левая рука. То есть управляющее левой рукой правое полушарие во всех описанных выше случаях превосходило левое полушарие. И только в письме последнее было действительно незаменимым¹.

Не менее интересными получились результаты при сравнении лингвистических способностей левого и правого полушарий. При этом исследователей особенно интересовали языковые возможности правого мозга. Выяснилось, что испытуемый демонстрировал хорошее понимание речи, если мог ответить не словами – например, найти предмет, соответствующий произнесенному слову. Проблемы начина-

¹ Александров С. Г. Функциональная асимметрия и межполушарные взаимодействия головного мозга. Иркутск: ИГМУ, 2014. С. 21–22.

лись с предъявлением глаголов. Более сложные в лингвистическом отношении, они оказались для правого полушария слишком крепким орешком и обнаруживали ограниченность его возможностей при оперировании такого рода вербальным материалом, с которым легко справлялось левое полушарие.

Как «думают» левое и правое полушария

Работы Сперри дали начало широкому фронту научных исследований. При этом ученых особенно занимал вопрос, как «думает» левый и правый мозг и существуют ли между ними какие-либо принципиальные различия. Одна медицинская технология, позволяющая избирательно «выключать» левое или правое мозговые полушария без рассечения мозолистого тела, пришлось здесь как нельзя кстати.

Данный метод, связанный с электросудорожной терапией, предполагает избирательное угнетение коры больших полушарий. И когда по окончании сеанса к пациенту возвращается способность понимать и отвечать на обращенные к нему вопросы, одно из его полушарий на какое-то время остается более угнетенным, чем другое. Таким образом, ученые получили возможность исследовать мышление «однополушарного человека»².

Одним из тестов, которые в этой ситуации предлагали испытуемым, были логические задачи типа: «Все обезьяны могут лазать по деревьям. Барсук – обезьяна. Может ли барсук лазать по деревьям?» Те, у кого активным было левое по-

² См.: *Деглин В. Л.* Лекции о функциональной асимметрии мозга человека. Амстердам; Киев: Ассоциация психиатров Украины, 1996.

лушарие, отвечали на этот вопрос утвердительно. При этом они прекрасно отдавали себе отчет, что барсук лазать по деревьям не может, и на коротко поставленный вопрос отвечали «нет». Но когда этот же вопрос звучал в упомянутой выше связке, они шли на поводу у коварной логической посылки «барсук – обезьяна», которая оказывалась для них важнее реального положения вещей.

Таким образом, в ходе этого и ряда других подобных ему экспериментов было показано, что левое полушарие больше ориентировано на логические конструкции, нежели на живую реальность, и лучше приспособлено для оперирования причинно-следственными связями, то есть «работает как планирующий, аналитический, последовательный процессор»³. Стихией же правого полушария, как показали исследования, является не столько анализ, сколько синтез, причем доступная ему информация не раскладывается по полочкам, а обрабатывается практически одновременно и схватывает, так сказать, на лету. Поэтому правое полушарие лучше ориентируется в сложных взаимосвязях и пространственных отношениях, успешнее распознает зрительные и звуковые образы и их оттенки (выражение лица, голос, интонацию), «понимает» музыку и т. д.

В то же время ахиллесовой пятой правого полушария является неосознаваемость порождаемых им поведенческих

³ Александров С. Г. Функциональная асимметрия и межполушарные взаимодействия головного мозга. Иркутск: ИГМУ, 2014. С. 21.

реакций, хотя они могут быть вполне адекватными. Но дать им внятное объяснение «правополушарный» человек не может. Равно как ничего не может сказать и о движущих мотивах своего поведения – для этого ему просто недостает «словесной оснастки». А если учесть, что процесс обработки информации осуществляется правым полушарием быстрее, чем левым, то сама собой напрашивается версия «разумного» поведения людей в экстремальных ситуациях, когда у них просто нет времени для принятия взвешенных решений. Не успевая даже подумать, они интуитивно совершают порою единственно верные действия и поступки, после чего и сами не могут понять, как это у них получилось. И этому можно найти только одно удовлетворительное объяснение – что «дирижером» этого на первый взгляд спонтанного поведения является именно правое полушарие, хотя оно и неспособно дать отчет в том, что им же было инициировано.

Оборотная сторона логического мышления

Все мы со школьной скамьи помним, что существуют два вида мышления – образное и логическое, хотя порою смутно представляем, что за этим стоит. И если спросить любого прохожего, он, скорее всего, скажет, что логическое мышление характерно для людей науки, тогда как художники мыслят образами. И на этом его познания, вероятно, и закончатся.

Ну а вот эта глава – это что: пример логического или образного мышления? На первый взгляд как будто логического, потому что она базируется на данных научных исследований. Однако если бы она была написана чисто логическими средствами, вы бы едва ли дочитали ее до конца. А чтобы овладеть материалом школьного или институтского учебника, написанного добросовестно, но без выдумки, нужно приложить волевое усилие, и порою немалое. А вот «Золотой теленок» читается почему-то сам собой, без всяких усилий. Так в чем причина?

Можно подобрать целый ряд эпитетов: плоский, линейный, однозначный – для характеристики текста, служащего чисто информационным целям – инструкции по эксплуатации бытовых приборов, лекарственной аннотации и т. п. Зачастую этим эпитетам придается чуть-чуть уничижительный

оттенков, что не всегда справедливо. Ведь логическое, или, по-другому, вербальное, дискретное, аналитическое, мышление возникло как инструмент общения людей и благодаря общепонятным словам и выражениям делает доступными окружающим наши мысли и намерения. А потому важнейшая из его задач – сделать так, чтобы люди могли понимать друг друга, без чего их сосуществование не продлилось бы и дня. И однозначность высказывания является непременным условием такого понимания. В самом деле, хороши бы мы были, если бы давали повод произвольно трактовать наши слова – в магазине при покупке товара, на работе в процессе общения с подчиненными и уж тем более в армии при отдаче приказов.

Но, с другой стороны, оно же, это мышление, обедняет наше мировосприятие, поскольку по природе своей альтернативно и, как в компьютере, знает лишь два варианта ответа: да – нет, черное или белое, то есть представляет собой упрощенную модель действительности.

Да, модель эта во многих отношениях весьма удобна, поскольку вносит элемент упорядоченности в картину окружающего нас «прекрасного и яростного мира». Она позволяет выявлять и фиксировать присущие ему закономерности и связи, чем, собственно, и занимается наука. Но отразить по-настоящему его противоречивую многосложность логическое мышление не в состоянии.

И вот тут самое время вспомнить нашего «однополушар-

ного» человека, о котором упоминалось в начале настоящей главы. Обычно под этим понимаются люди, слегка «припадающие» на левое полушарие, то есть пребывающие в плену жестких логических схем, которые заслоняют от них не вписывающуюся в это прокрустово ложе текучую живую действительность. «Делай мое плохое, а не свое хорошее», – говорит своим подчиненным герой романа Александра Бека «Новое назначение» солдат партии, как он себя называет, министр Онисимов. И неслучайно, раз приняв какую-то систему взглядов, такие люди от нее уже не отступятся, куда бы ни вывела их жизненная кривая. И, может быть, поэтому они так восприимчивы к навязываемым им сверху догмам, а в социальном плане легко управляемы.

Напротив, «бессловесное» правое полушарие не знает четкой границы между «да» и «нет» – оба они сосуществуют, не отменяя друг друга, иллюстрацией чему может служить почти вся художественная литература. Но особенно наглядно специфику правополушарного мышления демонстрируют наши сны. Вообще-то в сновидениях участвуют оба мозговых полушария, однако роль их бывает различной. Так, Сергей Довлатов уверял, что почти не видит снов, а если что-то и снится, то совершенно незначительное. Например, что у него не хватает денег расплатиться в ресторане. И если это не писательский вымысел, то налицо пример сновидения, где ведущая роль принадлежит левому полушарию, в силу чего оно так легко облекается в словесные одежды.

Однако бывают сны, которые затрагивают самые глубины нашего Я, когда мы переживаем минуты пьянящего счастья или тоску по чему-то несбывшемуся, видим дорогих нам умерших близких, терзаемся угрызениями совести и т. д. Но если наутро мы захотим поделиться пережитым с окружающими, то выясняется, что пересказать такое сновидение практически невозможно, и все наши попытки выразить все это обычными словами разбиваются как о неодолимую преграду.

Функциональная асимметрия мозговых полушарий в интерпретации нейропсихолога

Но было бы ошибкой представлять дело так, будто на место условного «однополушарного» человека мы предлагаем подставить «двухполушарного» – обладателя двух независимых типов мышления. Подобный «кентавр» существует только в головах ученых, которым он необходим как модель, позволяющая лучше разобраться в том, как работает целостный мозг, да еще в эксперименте. На самом же деле левое и правое полушария функционируют совместно, гармонично дополняя друг друга. А кроме того, как выяснилось, стремлению четко разграничить вербальное и невербальное (образное) мышление противоречит целый ряд факторов.

Так, правое полушарие, будучи неспособно к продуцированию речи, сохраняет возможность ее понимания, хотя и в ограниченных пределах – например, при представлении наименованных объектов или простых действий. Вместе с тем его ставят в тупик сложные предложения и омонимы, смысл которых может быть понят только из контекста. То есть воспринимает словесную информацию так же, как и левое, но сама эта информация должна быть простой и однозначной, не требующей дополнительного осмысления. С другой сто-

роны, не удалось выявить различий между уровнем активации полушарий при прослушивании музыки, относящейся к невербальной информации.

И еще одно интересное наблюдение. Известно, что повреждение правого полушария (инсульт, травма, опухоль мозга) влечет за собой утрату творческих способностей не только у художников и музыкантов, что объяснимо, но также у поэтов, чей материал – слово, и даже у математиков. При этом последние, успешно справляясь с задачами с четким алгоритмом решения, пасуют там, где требуются какие-то нестандартные подходы.

Получается таким образом, что не любое оперирование словами относится к компетенции левого полушария, так же как оперирование образами не является монополией правого полушария. Но если слова и образы не привязаны жестко к конкретному полушарию, то что же тогда лежит в основе их функциональной асимметрии? Вот как подошел к решению этой проблемы российско-израильский нейропсихолог профессор Вадим Ротенберг.

Начнем с речи. Если заглянуть в толковый словарь, нетрудно заметить, сколько разнообразных значений имеет почти каждое употребляемое нами слово. Возьмем для примера словарь Ожегова и не мудрствуя выберем первое, что попадется на глаза. Скажем, слово «капитан». Вот какие толкования предлагает словарь для этого понятия. Командир судна; офицерское звание, а также лицо, носящее это звание;

глава спортивной команды. И как, скажите, вне контекста разобраться, о каком именно капитане идет речь в каждом конкретном случае?

А между тем, дабы не растекаться мыслью по древу, человеку требуется так выстроить ту или иную фразу, чтобы его поняли другие. А это значит создать такую вербальную структуру, где каждое слово отвечало бы максимально узкому вкладываемому в него смыслу. «Такая аккуратно подстриженная под машинку логического мышления картина мира, – пишет Ротенберг, – является уже не картиной в полном смысле этого слова, а моделью, удобной в обращении»⁴.

И совершенно по-другому обстоит дело в случае образного мышления. Оно не стремится к конкретизации смысла воспринимаемых или воображаемых нами объектов, а представляет их как они есть, во всей их многосложности и многозначности. Таковы рожденные творческой фантазией образы художественной литературы, театра или живописи. Они могут быть необычайно сложны и многозначны, но эта не та многозначность, которую предлагает словарь Ожегова. Потому что все эти смыслы присутствуют одновременно как реализованные и нереализованные потенциалы, и каждый из них (если речь идет о высоких образцах) практически неисчерпаем. Так, например, уже четыреста лет существует в мировом культурном пространстве образ принца Гамлета, и тем не менее весь последний век режиссеры и актеры не

⁴ Ротенберг В. С. Образ «Я» и поведение. Рождение идей. М.: Ridero, 2015.

устают к нему возвращаться, всякий раз открывая в нем для себя что-то новое. Не потому ли, что все эти смыслы были уже заложены в нем при его создании?..

Итак, если левое полушарие пропускает окружающую действительность через логический фильтр, подгоняя ее под жесткие схемы и шаблоны, то в правом она представлена во всем своем богатстве и живой противоречивости. Но эти противоречия не исключают друг друга, как в логической схеме «или – или», а сосуществуют, как это и бывает в реальности. Поэтому с тем клубком одновременно устанавливаемых разнообразных связей, с которыми работает правое полушарие, левому, в сущности, делать нечего – ведь никакой логический расклад здесь невозможен.

И вот в этом – *в способе обработки информации* — и кроется, по Ротенбергу, источник функциональной асимметрии мозговых полушарий, каждое из которых отвечает своей *стратегии мышления*, хотя обе они равно необходимы гармонично развитому человеку. И здесь с неизбежностью встает вопрос: как могло возникнуть подобное «разделение труда»? Ведь ни у кого из высших животных ничего подобного нет, несмотря на кое-какие зачатки логического мышления у человекообразных обезьян, собак, дельфинов и некоторых пернатых.

Современная наука связывает это прежде всего с речью, а также с ведущей ролью правой руки, управляемой левым полушарием. Как полагает канадский психолог Дорин Ки-

мура, именно развитие правой руки как органа языка жестов и ее манипулятивных способностей привело к формированию особых функций левого полушария⁵. И поскольку вербальное мышление оказалось закрепленным за структурами левого полушария, то перед высвобожденным от этих функций правым мозгом открылись возможности для его глубокой функциональной перестройки. Так возникли присущие только человеку творческая интуиция и художественное мышление, что позволило ему подняться на более высокую ступень эволюции. Но о природе художественного мышления мы поговорим в следующей главе.

⁵ См.: *Kimura Doreen*. Neuromotor mechanisms in human communication. New York: Oxford University Press, 1993.

Глава 2

Художественное мышление в зеркале литературы

Незримая рука

Если в рамках антитезы «аналитический подход к действительности – образное восприятие мира» мы до сих пор обходились без понятия художественного мышления, то это лишь потому, что его «представляло» мышление образное. Ведь они не только неотделимы, но порой и неотличимы друг от друга, одно есть продолжение другого. При этом художественное мышление может рассматриваться как своего рода психическая надстройка над образным, сформировавшаяся за века культурного развития человечества. Но вступая в мир художественной литературы, мы все-таки попытаемся отличить неотличимое, поскольку «отличимое» имеет свою особую специфику, связанную прежде всего с нашей способностью к символическому мышлению, но не только. И если в предыдущей главе мы оперировали данными, заимствованными в основном из практики или эксперимента, то теперь нам предстоит иметь дело с более зыбкими понятиями и представлениями, такими как наши субъектив-

ные переживания, а иногда и их внешнее как бы отсутствие. Так, например, эстетические эмоции – и это одна из загадок искусства – при всей их подчас высокой интенсивности переживаются нами как-то по-особому и зачастую без всяких внешних проявлений, в силу чего их можно назвать «тихими» эмоциями. «Искусство, – пишет Лев Выготский, – как будто пробуждает в нас чрезвычайно сильные чувства, но чувства эти вместе с тем ни в чем не выражаются. <...> Таким образом, именно задержка наружного проявления является отличительным признаком художественной эмоции при сохранении ее необычайной силы»⁶

⁶ *Выготский Л. С. Психология искусства. М.: Искусство, 1968. С. 267–268.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.